

Вы когда-нибудь выступали с речью на похоронах?

Множество заплаканных глаз уставились на меня, ожидая, что я сломаюсь. Словно выискивали во мне слабые места: дрогнет ли голос, станет ли слово поперек горла... Никому бы не пожелала оказаться на моем месте, особенно учитывая, что мне предстояло произнести.

Я прокашлялась и дважды постучала по микрофону. Воцарилась полная тишина. Битком набитая церковь вмиг онемела. Мое молчание слегка затянулось, напряжение нарастало, и Фридрих, сидевший в первом ряду, бросил на меня красноречивый взгляд, давая понять, что пора бы мне заговорить.

— Спасибо, что пришли проститься с моей мамой. Перед смертью Брижит попросила меня кое-что вам передать.

Я сделала паузу и посмотрела на распятие, висевшее на стене. Немного поколебавшись, я решила, что мама заслуживала, чтобы ее последняя воля была исполнена.

— Она попросила сказать вам: катитесь к черту.

Последние слова Брижит

Когда мама объявила нам с Этьеном, что решила продать семейный дом и переехать в Сент-Огюст-сюр-Мер, меня это разозлило. У меня в голове сложный пазл, где каждый занимает свое место. Если какие-то фрагменты перемещаются, я встаю на дыбы.

19 мая 2017 года мы втроем сидели в гостиной и паковали коробки.

— Вы же знаете, как я вас люблю!

Этьен поспешил ответить, что это взаимно. А у меня был только один вопрос:

— Почему так далеко?

— Я тебе уже говорила, Фабьена: жизнь так распорядилась.

— Жизнь никогда не играла со мной в агента по недвижимости.

— Это потому, что ты недостаточно открыта. Тебе не хватает гибкости.

Этьен украдкой швырнул в меня скотчем, взглядом призывая не отвечать на мамины слова. Конечно, это был не лучший момент, чтобы проявлять характер, но я наконец-то получила шанс поговорить о том, что мы упорно старались не замечать при каждой встрече.

— Вообще-то я аутистка.

Мама вздохнула.

— Слушай, как там правильно? Ты говорила, у тебя синдром Аспергера. Вот видишь, если бы в прошлом году ты прислушалась к моим словам, то не попала бы в эту клинику. Там диагнозы навешивают, как бирки на одежду. Где это видано — ставить такой диагноз тридцатишестилетней женщине? Мы с твоим отцом уже давно заметили бы, если бы с тобой было что-то не так.

— А, понятно... Не хочешь признавать, что это ваше упущение?

— Посмотри на себя, Фабьена! Ты с нами разговариваешь, смотришь нам в глаза, шутишь. Что не так? Тебе самой не надоело искать проблемы там, где их нет?

— Мама, какого цвета твои дни недели? Мои — белого, персикового, индиго, бирюзового, черного, серого и красного. А еще в моей голове все четыре времени года следуют друг за другом гуськом, а с апреля начинают подниматься по склону. Все дни с понедельника по воскресенье едут в вагонах, и я смотрю на них слева направо. Ты не помнишь, что в моей комнате четверо настенных часов, потому что я помешана на цифрах? Не помнишь, что я полжизни провела зажав уши

руками, из-за того что звуки казались мне слишком громкими? И как первые десять лет не желала есть ничего, кроме макарон с ломтиком желтого сыра? Ты и вправду не поняла, что я не такая, как вы все?

Пока я это говорила, мама смотрела на Этьена, но я все равно продолжила.

— Показать тебе заключение комиссии? Ты будешь все отрицать, как и семь лет назад, когда я была в депрессии, но знаешь что? Это расстройство часто сопутствует аутизму! Мне осточертело пытаться влезть в ваши рамки, чтобы вы меня приняли. Мне осточертело жить с этой скрытой инвалидностью. Я не просто существую: теперь я живу! Все эти тридцать шесть лет я притворялась, и ты же не станешь винить меня в том, что наконец я стала собой?

Она закатила глаза.

— Ладно, Фабьена. Давай для начала договоримся, что в каком-то смысле все мы немного аутисты.

Я вскочила на ноги и вышла из комнаты, отбросив в сторону моток скотча.

— У вас между ног не жжет? Ведь у всех нас тоже в каком-то смысле немного гонорея!

Оказавшись на улице, я села на бордюр. Двадцать минут спустя ко мне подошел Этьен.

— Не надо было с ней так, день и без того не из легких.

— Как «так»? Ты ее слышал? Не могу поверить, что моя собственная мать не понимает, что я не такая, как все!

— Забудь. Лучше помоги нам, грузовик приедет через час.

Я последней закрыла за собой дверь нашего семейного дома, все еще испытывая злость из-за недавнего разговора и из-за того, что мать с бухты-барахты решила уехать от нас так далеко.

Она не разрешила нам поехать с ней в Сент-Огюстюр-Мер, объяснив, что ее встретят друзья. Мы с Этьеном впервые слышали, что у нее там какие-то знакомые, но поняли, что лучше не задавать лишних вопросов. Когда я возвращалась к себе домой, на маяк, меня не покидало ощущение, что она что-то от нас скрывает.

Следующие месяцы прошли так же, как все предыдущие семь лет. В любую погоду я просыпалась в шесть утра и выходила на пробежку в лес, затем принимала душ, завтракала с моим парнем Фридрихом и шла на работу.

В тридцать лет я случайно оказалась в хосписе под названием Дом «Тропинка». Один из пациентов знал, что я художница, и его последним желанием было, чтобы я написала картину в его комнате. Очутиться наедине с умирающим было страшно, но я исполнила его волю. Так и получилось, что я полюбила это место благодаря Жерару Дюбюку, для которого писала здесь однажды зимним вечером. И я до сих пор очень горжусь этой работой.

Долгое время я занималась всем подряд, предлагала помощь там, где в ней нуждались. С каждым годом я все

чаще появлялась на общих собраниях, но больше всего мне нравилось писать перед пациентами.

Одним октябрьским вечером, во вторник, я работала в Доме, когда прилетело сообщение от Этьена:

Я в больнице в Дэмоне, с Брижит.
Не звони, по телефону объяснить
не смогу. Приезжай пжлста...

Сначала я попыталась дозвониться Фридриху, чтобы он меня отвез, но постоянно попадала на автоответчик.

Вообще-то я и сама умею водить, но за город выезжаю нечасто. Когда я сказала Лие, что срочно должна ехать, она предложила отвезти меня. Конечно, можно было бы взять такси, но такого рода идеи редко приходят мне в голову. Меня кидает в холодный пот от мысли о том, что придется долго ехать и беседовать с неизвестным человеком в тесном замкнутом пространстве.

В машине я задавалась вопросом, как и почему мама оказалась в нашей больнице, в трех часах езды от ее дома. Что, если она хотела устроить нам сюрприз своим приездом, но попала в аварию? Нет, вряд ли, мама никогда раньше не приезжала нас повидать. Я продолжала ломать голову до тех пор, пока Лия не высадила меня у дверей больницы.

— Припаркуюсь и догоню.

Я вошла и сразу увидела Этьена — он толкал перед собой инвалидную коляску. Его спина не давала

разглядеть сидевшую в ней женщину. Мелькнула мысль: «Это не мама...»

Со дня ее переезда мы не виделись пять месяцев. Подойдя ближе, я схватилась рукой за сердце — так она исхудала.

— Мама, как ты здесь оказалась?

Едва я задала этот вопрос, Этьен оглушил меня тремя словами:

— Рак поджелудочной железы.

Я рухнула в оказавшееся рядом кресло. Будь я старым телевизором, сейчас по мне пришлось бы стукнуть, чтобы я снова заработала: у меня пропали и звук, и изображение.

Мама смотрела прямо перед собой. Пациенты рядом с нами замолчали. Заметив в отдалении кофемашину, я пошарила в карманах в поисках мелочи. Добавить к стрессу кофеин — не лучшая идея, но надо было срочно на что-нибудь переключиться. Оказалось, не мне одной пришла в голову эта мысль, и спустя несколько минут я вернулась с пустыми руками: не хотелось стоять в очереди из пятнадцати человек. Бросив взгляд на маму, я увидела что-то у нее в руке. Этьен заметил мой вопросительный взгляд.

— Она сказала, это желтый апатит.

Я погуглила название камня и прочитала вслух:

— Желтый апатит: лечит печень, поджелудочную железу и избавляет от целлюлита. Мама, у тебя и так всегда были красивые ноги. Тебе это ни к чему.

Это неуместное замечание вызвало у Этьена истерический смех. Я смотрела на него и не могла понять: то ли он рассмеялся до слез, то ли не в силах больше сдерживаться. Мама продолжала перекачивать в ладони камень, не подавая виду, что услышала меня.

Много лет она была членом общества «Лунный круг» — их ритуалы основывались на молитвах, песнопениях и литотерапии, а главная цель состояла в избавлении от телесной боли. Все ее карманы были забиты камнями, она раскладывала их повсюду, чтобы отогнать скверну, привлечь добро и положительную энергию. Как-то раз она даже призналась мне, что носит один камешек в бюстгальтере, «поближе к сердцу». Тогда я ответила, что большинство людей делают как раз наоборот — ходят к психотерапевту и платят баснословные деньги, чтобы тот помог избавиться от камня, лежащего на этом самом месте. Она сказала, что мне не понять.

Лия подошла в тот момент, когда медсестра назвала номер, который Этьен держал в руках. Дальше все пошло по накатанной. Мамины документы передали в Дом «Тропинка», и на следующее утро ее приняли.

К девяти утра, обустроив маму в палате, я предложила Этьену пойти в холл для посетителей — он был на третьем этаже.

— Давно ты об этом знаешь?

— О том, что у нее рак, еще с мая. Она потому и переехала, чтобы сменить обстановку.

Я смотрела на Этьена и думала, что, если бы мы предложили этот сценарий режиссеру, он просто посмеялся бы. Все слишком ужасно, чтобы быть правдой.

— Ты уже пять месяцев в курсе, что мама больна, а я узнаю, когда уже совсем поздно?

— ...

— Но почему она не легла в больницу раньше?

— Она отказалась лечиться и не хотела, чтобы я тебе об этом говорил.

— Почему?

— Считала, это бесполезно.

Я поглубже погрузилась в кресло и принялась тереть кольца.

— Ну да, логично.

Этьен вздохнул.

— Что логично? Ты о чем?

Я покивала, словно мне вдруг все стало ясно.

— Она всю жизнь провела засунув голову в песок — и вот теперь задыхается.

— Ну хватит тебе, Фаб!

Я пожала плечами и добавила:

— Именно так оно и есть, но чего уж теперь.

Мы спустились обратно к ее палате и прямо перед дверью встретили медсестру Мирей.

— Ну как? Ваша мама с вами говорила после приезда?

— Нет, ей не нравится, что она здесь.

— Держитесь...

— Спасибо, Мирей.

Я оставила Этьена наблюдать за мамой, пока она спала, и пошла домой принять душ и перекусить. На кухне сидел Фред. Не отрывая глаз от газеты, он спросил:

— Ну что?

— Ей уже недолго осталось.

— Сочувствую.

Не успела я подняться, раздеться и включить теплую воду, как от Этьена пришло сообщение:

Вернись, пожалуйста, все очень странно.

Еду.

Я приняла самый быстрый душ в истории человечества, спустилась и по дороге схватила со стола яблоко. Фред наблюдал, как я в спешке натягиваю сапоги.

— Снова уходишь?

Я на ходу чмокнула его в губы.

— Расскажу, если будут новости.

Этьен ждал меня у двери Дома «Тропинка».

— Что случилось?

— Мне не нравится оставаться с ней вдвоем, она на меня постоянно смотрит.

— Ты мог бы ей что-нибудь рассказать, слышит-то она еще хорошо.

— Нет, ты не понимаешь, она на меня злится. Потому и молчит.

Мы сели в гостиной, между ресепшеном и пианино — мое любимое место.

— Вот я как раз и хотела спросить. Что случилось?

— Она позвонила мне позавчера из Сент-Огюста и попросила свозить ее посмотреть, как желтеют деревья в Дэмоне. Соскучилась по осеннему лесу. Но когда я увидел, в каком она состоянии, психанул и сказал, что мы едем в больницу. Все три часа пути она уговаривала меня вернуться, а когда поняла, что ничего не выйдет, у нее случилась истерика.

— Это все очень серьезно. Почему ты не позвонил?

— Подожди. Она стала повторять, что ей не нужна помощь, что братья и сестры света спасут ее и что мы не сможем ее понять, потому что мы не солдаты.

— Так и сказала? Солдаты?

— Солдаты «Лунного круга».

— Что за черт...

Я тут же пообещала Этьену, что больше не оставлю их вдвоем, а если ему понадобится уйти, без проблем посижу с мамой одна. Мы вошли в комнату номер восемь. Мама проснулась, хоть мы и ступали на цыпочках. Я помахала ей рукой, но она не отреагировала.

Два дня мама просидела у окна, глядя на шоссе, не выпуская из рук камень. Мы с Этьеном рассказывали ей обо всех шалостях, о которых раньше никогда не говорили. Мне показалось, что на ее лице мелькнула

чуть заметная улыбка, когда я вспоминала об истории с мадам Буше: мы спрятали у нее в почтовом ящике банку с пауками. Мюрьель Буше была равнодушна к моему папе, поэтому часто приглашала его к себе пропустить бокальчик, от чего он всегда вежливо отказывался.

Днями и ночами мы сидели с мамой в Доме «Тропинка», лишь изредка ненадолго отлучаясь, чтобы сходить домой помыться и переодеться. На третий день я сидела в кресле-качалке, листая ленту в твиттере, а Этьен читал журнал, стоя у окна.

— Скажи...

От неожиданности мы оба вздрогнули: это были первые мамины слова после приезда. Мы подошли ближе. Ее голос был очень слаб, и мы замерли, боясь ее перебить. Она посмотрела мне в глаза.

— Скажи им: пусть катятся к черту.

Я ждала, что она добавит еще что-нибудь, но нет, эта была ее последняя фраза. Мама умерла на следующий день, в пятницу, день черного цвета, в пятнадцать часов семнадцать минут.

Между козлом и овечкой

Я упаковывала последние подарки, когда в дверь позвонили. Из окна я увидела, как Этьен и Кловис, его сын, бросают друг в друга снежки, пока я иду им открывать. Фридрих должен был прийти попозже, он помогал ребятам на кухне в «Thym et Sarette».

Проходя мимо зеркала, я поправила волосы и улыбнулась. Днем я собирала в лесу шишки и еловые ветки для украшения маяка. Потом украсила птичьи кормушки гирляндами из сухофруктов, повесила на кленовые ветки кусочки сала для дятлов и насыпала орехов белкам. И, наконец, сделала генеральную уборку во всех комнатах под любимые песни.

Если мне нравится мелодия, я могу слушать ее часами, и мне она не надоедает. Из уважения к Фридриху при нем я надевала наушники, но наедине отрывалась по полной: из колонок в гостиной на всю катушку гремел старый рок-н-ролл. Я была в восторге оттого, что

весь вечер будет посвящен исключительно развлечениям, еде и веселью.

Эта осень была перенасыщена событиями, и мне не терпелось немного передохнуть. Остаться дома, устроить маленький праздник с теми, кого люблю, — таков был мой план идеального вечера. Идея проста: повседневная одежда. Ничего неудобного, ничего неестественного. Я сказала Этьену, что надену свои поношенные джинсы — от времени они растянулись, стали мягкими — и бамбуковый джемпер. Он тоже может одеться как ему удобно. Он заметил, что я могла бы сделать над собой усилие и нарядиться в вечернее платье, но я стояла на своем.

Открыв дверь, я чудом увернулась от снежка, брошенного в меня Этьеном.

— Да что ж такое! Промазал!

— Эй! Будешь распаковывать подарки на улице! Заходи, Кловис, твой папа наказан.

Мальчик засмеялся, показывая на отца пальцем. Я незаметно наклонилась набрать в горсть снега и подошла поцеловать Этьена, но в последнюю секунду размазала снег по его лицу, как кремный торт.

Кловис хохотал до упаду. Мы вошли в дом. Под радостные возгласы мальчиков, восхищенных моей огромной елкой у окон гостиной, я приняла у них верхнюю одежду и спальные мешки.

— А почему ты живешь на маяке?

Я обняла Кловиса.

— Чудной ты — вечно задаешь мне один и тот же вопрос, как ни придешь. Согласна, маяк в лесу — это странновато. Обычно они бывают возле воды. Но дело вот в чем: мой дом построен так, что когда я сижу у себя в мастерской на верхнем этаже и смотрю в окно, то вижу очень-очень далеко. Так далеко, что на днях я, кажется, видела остров с пиратами.

— Пиратами!

— Разве я не говорила? Так сходи, глянь. А я пока приготовлю тебе чего-нибудь вкусного и вредного.

Кловис побежал по лестнице так, будто наверху его ждали сокровища. Трудно было поверить, что ростом он мне уже по локоть.

— С ума сойти, до чего быстро время летит. Он так вымахал.

— Ему уже пять, почти маленький мужчина.

Я жестом пригласила Этьена на кухню.

— Есть вино, пиво и джин. Что тебе налить?

— Тебе не кажется это странным?

— Нет, если только не станешь смешивать.

— Я не о выпивке. Тебе не кажется странным, что ее с нами нет?

— Нет.

Он смотрел на меня — в его глазах стояли слезы.

— Вообще это не первый раз, когда мамы нет с нами на Рождество. Ты забыл, что было два года назад? Ее гуру позвонил и сказал, что она должна ехать к ним, потому что как раз на этот день выпало полнолуние.

Она сказала мне: «Моя миссия не в том, чтобы причинить урон земле. Наоборот, я освещаю ее благодаря участию в «Лунном круге». Мы — дети луны».

— Да, помню, но сейчас все по-другому. Ее на самом деле больше нет.

— Вот именно, но мой траур начался не два с половиной месяца назад, а двадцать пятого декабря две тысячи пятнадцатого. И теперь мне даже легче, потому что не надо больше за нее переживать.

Последовало долгое молчание. Похоже, мы оба мысленно прокручивали в голове мои последние слова.

Этьен, легонько похлопав меня по плечу, сказал:

— На этой неделе самое время навеститься в наш дуплекс.

— Обещают снег.

— С каких это пор ты боишься снега, Фаб? Такими темпами нам не видать наследства еще несколько месяцев.

— Не люблю ездить по трассе зимой.

— Сент-Огюст всего в трех часах отсюда, и мы не в экспедицию собираемся! К тому же за рулем будешь не ты.

— К весне я буду готова. Только не ездь без меня, окей?

Этьен вышел на балкон за пивом. Я знала, что он раздражен, но сдерживается, чтобы не испортить праздник. То, что мама завещала свой дуплекс нам с Этьеном, не было неожиданностью. Как-то вечером

она вскользь упомянула об этом в разговоре по телефону. Но я считала, что мне и так повезло: благодаря наследству отца я смогла построить свой маяк, и больше мне ничего не нужно. На мои возражения мама ответила, что этот дуплекс — все, что у нее есть, и она хочет, чтобы он достался нам с Этьеном. Я сказала, что у нас еще будет время все обсудить и что в конце концов я уговорю ее отказаться от этой идеи. Тогда я и понятия не имела, что жить ей оставалось всего несколько месяцев, а она об этом знала, потому и готовила завещание.

Кловис спустился и сказал мне, что видел корабль в облаках.

— Как думаешь, пираты это едят?

Увидев тарелку с ирисками, шоколадными конфетами в форме Санты и взбитые сливки, он вытаращил глаза.

— Ничего себе!

— А я говорила, что еда будет вредной!

Мы расположились в гостиной в ожидании ужина, чтобы перекусить маленькими волованами, которые я испекла заранее. Кловис уплетал свои лакомства, лежа на животе прямо под елкой.

— Фаби, а почему у тебя нет рождественского вертепа? У мамы он есть, и у папы тоже есть.

— Вот именно, почему у тетушки до сих пор нет рождественского вертепа? Поможешь соорудить?

Горящие глазенки, весь рот в шоколаде — прелесть что за ребенок. Когда я собралась идти за фигурками для вертепа, в маяк с горой пакетов вошел Фридрих.

— Привет-привет.

Хорошо изучив его за столько лет, я по одному тону поняла: что-то не так. Мне трудно читать выражения лиц, зато я научилась распознавать интонации Фреда. Он поприветствовал Кловиса, пожал руку Этьену и отправился с пакетами на кухню. Я последовала за ним и, убедившись, что мы одни, спросила:

— Что с тобой?

— Сама знаешь, я не горел желанием встретиться с ним.

— Да брось, ты же был в курсе, что он придет. И что изменилось?

— Не знаю, просто видеть его не могу. Был бы он хотя бы твоим братом, я еще сделал бы над собой усилие.

— Но он и так мне как брат.

— Братья в сестер не влюбляются.

— Ну хватит! Ты опять за старое? С тех пор уже семь лет прошло, и я до сих пор не верю, что это правда. А даже если и было правдой, теперь все уже в прошлом.

— Я так не думаю.

— А я и не прошу тебя думать, просто будь вежливым. Если не ради него, то хотя бы ради ребенка. Кстати, если ты еще долго собираешься делать козью

морду, то мне как раз такая нужна для рождественского вертепа.

Я вернулась в гостиную к Кловису и Этьену — они изучали имена на подарках. Мы неплохо повеселились, играя в пантомиму, прятки и собирая новую гоночную трассу Кловиса. В полдесятого малыш уже спал возле елки в спальном мешке. Фред был все так же серьезен и не отрывал глаз от телефона. Мои ожидания не оправдались — я все-таки надеялась, что мое Рождество будет радостным, как в пожеланиях. Когда мы добрались до тарелки с овощами и фруктами, по фейстайму позвонила моя подруга Анна, она же сестра Фреда. Увидев нас, она радостно вскрикнула:

— Feliz Navidad*, друзья!

Я держала телефон на расстоянии вытянутой руки, чтобы лица всех троих были в кадре.

— Чего вдруг по-испански, сестренка?

Улыбка слетела с лица Анны.

— Вот дурак.

— Ага, теперь и ты мне скажешь, что мое место под елкой?

— А?

Я поднесла телефон ближе к лицу:

— Я сказала твоему брату, что если он не перестанет делать козью морду, то я поставлю его в рождественский вертеп.

* Счастливого Рождества (*исп.*).

Она рассмеялась:

— Отлично! А ты сама овечкой прикинешься?

Я на секунду задумалась.

— Люблю овечек. Они мягкие.

Этьен почувствовал себя обделенным и громко спросил:

— А я?

Фред выпалил:

— Ты будешь le p'tit criss*.

Все бы поняли, что это шутка, если бы Фред засмеялся. Я ушла с телефоном на кухню. Анна смотрела на меня с экрана широко раскрытыми глазами.

— Да уж, напряжно у вас там... Думаешь, это хорошая идея — приглашать его каждый год?

— Было две причины: траур и расставание. Не могла оставить его одного.

— Хм... А может, хватит с ним сюсюкаться?

Мы болтали минут двадцать, обсуждая новости. Закончила разговор я — неловко было оставлять ребят вдвоем. К моему удивлению, когда я вернулась в гостиную, оба сидели на диване и смотрели в телефон Фреда. Этьен разглядывал фотографию какой-то девушки и делился впечатлениями.

* Criss — многозначное квебекское ругательство, происходящее от имени Христа (Christ); le petit Christ — младенец Иисус. — *Прим. пер.*